

Юз Алешковский

Маски
СР
Ро
ВКка

худ.
Андрей
Алексеев

Издательство
«ПРОБЕЛ»

Юз Алешковский

**Маскировка. История
одной болезни**

«Пробел-2000»

2016

УДК 821.161.1-1 Алешковский
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Алешковский Ю.

Маскировка. История одной болезни / Ю. Алешковский —
«Пробел-2000», 2016

ISBN 978-5-98604-564-1

«Мы тут наверху боремся за то, чтобы наш город Старопорохов выглядел самым грязным, самым аморальным и самым лживым городом нашей страны. Маскируемся, одним словом, а под нами делают водородные бомбы, и товарищ иностранец, разумеется, ни о чем не догадывается. Сам я маскировщик восьмого разряда. Мое дело – алкоголизм. Бригадир. Как получка, так моя бригада надирается, расходится по городу, балдеет, буянит, рыла чистит гражданам, тоже маскировщикам по профессии, а я как старшой должен завалиться на лавочке возле Ленина и дрыхнуть до утра.»

УДК 821.161.1-1 Алешковский
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-564-1

© Алешковский Ю., 2016
© Пробел-2000, 2016

Содержание

1	8
2	12
3	16
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юз Алешковский

Маскировка

© Алешковский Ю., 2016

© Алексеенко А.Ю., 2016

© ООО «ПРОБЕЛ-2000», 2016

1

Вот ты, Гриша, хоть и генерал-лейтенант, но брательник мой, и если ты не веришь мне, если не прекратишь погонями трясти и орденами брякать от хохоту, то я тебя и за хер собачий считать не буду, не то что за генерала. Да! Это произошло в тринадцатую зарплату, которую, говорят, изобрел сам Карл Маркс, но при культе личности скрывали ее от рабочего класса, скрывали. Только не вороти свое рыло генеральское от культа личности. Знаем, почему он вам по сердцу пришелся, знаем. И ты знаешь, что ты – паразит с окладом, с дачей, с машиной, блядь, с филе тресковым и так далее. Ах, разъяснить тебе, почему ты паразит, если ты целыми днями орешь «смирно-о!». Пожалуйста! На тебя никто нападать не собирается. Вот и все. На хуй ты кому нужен! Америке? Она сама с собой никак не управится, и если даже допустить, что она тебя завоевала, то что ей с тобой, с одной шестой частью света делать? Пьянь, рвань, ворье и придурков партийных и военных себе на шею вешать? Безрассудно. Китай, говоришь? А не ты ли, сука такая, обучал китайцев танки наши водить и косою ихний глаз к нашим пушкам приноравливал? Не ты? Вот помалкивай тогда и слушай, как твоего родного брата в жопу выебли. Нет! Не в треугольнике, не спортлото, а в буквальном смысле, и куда в этот момент смотрела наша милиция, я не знаю. Глупо даже меня спрашивать об этом.

Итак, тринадцатая зарплата, в гробу бы я ее видал. Спускаюсь за ней в нашу подземную бухгалтерию. Ты, братец, не притворяйся, что не понимаешь, почему в подземную. Прекрасно ты все, хоть и не здешний генерал, понимаешь. Но чтобы ты лучше разбирался в деталях нашенской жизни, я тебе сболтну пару военных тайн. Мы тут наверху боремся за то, чтобы наш город Старопорохов выглядел самым грязным, самым аморальным и самым лживым городом нашей страны. Маскируемся, одним словом, а под нами делают водородные бомбы, и товарищ иностранец, разумеется, ни о чем не догадывается. Сам я маскировщик восьмого разряда. Мое дело – алкоголизм. Бригадир. Как получка, так моя бригада надирается, расходится по городу, балдеет, буянит, рыла чистит гражданам, тоже маскировщикам по профессии, а я как старшой должен завалиться на лавочке возле Ленина и дрыхнуть до утра. Как я выучился, как пошел по этой части, так с бабой, с Дуськой, начались у нас нелады.

Я же все на работе и на работе, поскольку пить надо, естественно, от получки до получки, а жарить Дуську некогда. Утром вся моя бригада опохмеляется, потом собрания бывают, товарищеские суды и так далее.

Общественных обязанностей тоже хватает. И бригадирство свое давно бы бросил, если бы не сукоедина одна из бригады. Вот рассчитаюсь с ним и брошу. Но о нем речь впереди. В общем, с бабой нелады. И не у меня одного. У всех моих алкашей дома преисподняя. Ужас. Мрак... Мы ударники коммунистического труда, а дети у нас выпадают, как шары в спортлото: все не то и не то. Запоздалое развитие, замедленные реакции, негативизм, рахит, хромосом каких-то не хватает, глухие, одноглазые, шесть пальцев, правая рука – левая, а левая – правая – всего не перечислишь. Рекорд Тетерин поставил. У евонного Игорька два языка, и оба – говорящие. Да, братец, не удивляйся! Маскироваться от Пентагона – это тебе не берлинскую стенку охранять и всяких чехов перевоспитывать. Повторяю: не удивляйся. Наши электронщики все выверили, просчитали и запрограммировали. Как спутник американский пролетает над Старопороховым, так у наших гастрономов очереди выстраиваются, вроде бы мясо, масло и колбасу дают, автобус переваливается по колдоебинам, пионерчики маршируют, поют песенки про вечно живого Ильича, грузины гвоздику продают, бляди куда-то бегут за дубленками, в парках драки, в баньках парятся, театры, конечно, танцульки – одним словом, видимость жизни заделывается, маскировка, братец, маскировка!.. И я вот иногда прочухаюсь после работы, просплюсь, щец хлебну с чесноком и сметанкою, выйду на нашу Фрунзенскую набережную, сяду на пригорочек над речкою Пушкой, гляну вокруг на мостовые горбатые, на

дома вшиво-серые, на общую облезлость жизни, на зачуханность своих земляков и несчастных детишков и чую, гордость в душе шевелится: сколько же, думаю, сделано за эти годы, ебит твою мать! Сколько объектов маскировочных построено! Больницы, школы, ясельки, садики, кинотеатры, в которых такое говно показывают, что сразу бросаешься к телевизору, а там тоже сплошная маскировка. Но это я отвлекаюсь. Немало сделано за эти годы. Вот бассейн открыли новый. Море, а не бассейн. В нем уже трое из нашей бригады во время исполнения служебных обязанностей потонули. Шпионы, дипломаты и церэушники, бывает, приезжают и купаются в нем, спутники самые секретные американские над ним летают – и что? А то, что Пентагон только соплю в себя втягивает зеленую и не допирает, что под самым бассейном у нас реакторы установлены и бассейновая вода охлаждает их, очищается и опять наверх подается. Понял? Вот это – маскировка!

Но хули там бассейн. Ты стадион возьми. Под ним партком первичной сборки водородных бомб. Матч идет. Наши маскировщики-болельщики вопят: «Шайбу! шайбу!», а внизу партком заседает и решает взять повышенные соцобязательства к шестидесятилетию советской власти – выдать на-гора сверх плана восемь бомб. И нету у Пентагона такой техники, чтобы подслушать речуги нашего парткома, когда орут ребятишки:

«Шайбу! шайбу!» Это вам, падлы, не уотергейтская гостиница... Сижу я, значит, на пригорочке, над речкою Пушкой, люблюсь городишком своим Старопороховым и лыблюсь про себя с большим удовлетворением. Чего только не писали и не пишут о нем в вонючих зарубежных газетках! И голоса его всякие ругают, и по волнам немецким бубнить не перестают. Дескать, дороги плохие, мяса, масла, филе трескового в магазинах нету. Врачам времени хватает, чтобы вылечить только одного шестого, а пятеро или хворают, или же подыхают. Дескать, зарплата низкая, религию убивают, обувь – говно, старый автомобиль дороже нового стоит, сажают кого-то, высылают, пшеницу у Америки покупают, БАМ строят с песней, равнодушно голосуют за народных судей, воруют повсеместно и на народ, в общем, непохожими стали, душевно разложились, даже не для маскировки пьют, пьют, пьют.

Да, думаю я на пригорочке, все это обстоит именно так, а может, еще в тысячу раз хуже, потому что своему глазу виднее. Да, обувь – говно. Да, пьем! Но зато сие наверху, на земле, вокруг нас, так сказать, а внизу, в просторных, залитых, блядь, искусственным солнечным светом цехах, лабораториях, кабинетах, взрывариваемых и парткомах лучшие советские люди куют в белых халатах атомно-водородный щит нашей родины, или же меч, если мы ебнем по вас первыми, Господа Удавы!

Подземная наша служба знает свое дело туго, а мы – наземная – тоже не оленя сохатые: и план перевыполняем, и рационализацию не забываем.

Насчет плана, братец, дело обстоит так: лично моя бригада пьет в счет 1999 года. Теперь – рационализация. Поддали мы как-то на профсобрании все вместе, и Тетерин, у которого Иго-

рек с двумя языками родился и растет, предлагает: снизить надо качество водки. Аплодируем. Ведь вроде дурак дураком ходил Тетерин, у бензоколонки, где интуристы-шпионы заправляются, валялся на своем посту пьяный, а тут пошевелил мозгами и выдал буквально инженерную и экономическую идею. И ни одна голова до этого раньше не додумалась, хотя идея просто валялась на поверхности нашего Старопорохова. Про Тетерина потом статья даже появилась в «Высшей Правде» – «Идея: простота и изящество». Он, сука такая, революцию, можно сказать, произвел в виноделии. Химики с ходу внедряют его предложение в жизнь. Снижают они качество водки. Не сразу, между прочим, снизили качество. Несколько лет химики бились.

Не давалась водяра, не хотела портиться, но одолели-таки ее наконец.

Государству она стала обходиться в сотни раз дешевле, а балдеть мы – самогонщики-маскировщики – стали сильней. С похмелья злей стали, и дети опять же выходят косорылыми с гнилой геной. Коэффициент маскировки, следовательно, выше... Так-то вот, братец, вкратце обстоят дела в Старопорохове. Все, что слышал, забудь, не то меня в реактор бросят без всякого суда, как Пронькина, и собирай тогда братца обратно по молекуле. А раз уж я растрепался, то стесняться теперь своей информации не намерен. Я тебе все выложу.

2

Сегодня у меня отгул, мы на кладбище сходим, посидим над могилкою, стариков помянем, потом пообедаем в Дуськиной, бабы моей, столовой. Она нам в кабинете накроет, и я тебе отвечаю: закусим от пуза, без всякой маскировки. Селедочка – значит, селедочка! Дунайская! С нее шкуру сдерут, а жир на ней такой, братец, нежный, что тает на твоих глазах от тепла и света электролампочек. Перламутр! По соляночке врежем. Тоже без маскировки, не то что для работяг. И почечки в ней парные, и сосисочки, и мясо, и каперсы – все что положено, вплоть до маслин. И, разумеется, шашлык. Ты такого в Кремле не рубал! Туфты в нем ни вот столечки! Барашек. Дуська его в сухом вине вымачивает, лучок, травки там, перчик... с ума сойдешь! Живой шашлык, форменно живой, жевать его абсолютно не надо, он сам в тебе до самого желудка распоряжается. Кстати, работяги, маскировщики наши, народ, одним словом, все знают. Как же не знать, если им шашлык из бельдюги и акульего мяса дают, жаренный на сковородке, на постном масле, в котором до этого уже тысячу пончиков отожгли? Все народ знает. И понимает, между прочим, что шашлык, наш с тобой шашлык, или же кремлевский, – это шашлык секретный, а ихняя солянка – бурдовая, ржавая селедка и биточки по-домашнему, в которых мяса мороженого меньше, чем в голодном клопе крови, – маскировка. Ведь ежели бы, братец, народ наш не был такой сознательный и грамотный, то, конечно бы, он от такой жратвы взбрыкнулся и устроил вторую Октябрьскую революцию, самую натуральную. А он понимает, змей, задачу партии и правительства, кует ядерный щит и меч, хуй кладет на качество пищи и что тресковое филе куда-то пропало. Он сыт не хлебом единым, не то что ваша генеральская пиздобратия... Ну а после обеда пойдем на могилку. Нашим повезло, они на кладбище по-человечески захоронены. Сегодня остальных жгут, а цветочки и букеты, те, что в гробы мы кладем напоследок, не сжигают. Ими опять на Тихом рынке бабы торгуют. Я один

раз в Женский день купил такой букет, а он тоскливо пахнет, тоскливо, но свеж и хорохорится. Оттуда все же вернулся. Я говорю бабе: «Ну что, проститутка, как живешь с этого?» – «Спасибо, – говорит, – маскируемся потихонечку». Скрипнул я зубами, хотел бабе в рыло въехать и в ЦК КПСС оттащить, но тут время было спутнику пролетать пентагонскому. Я в картофельном ряду свалился – букет под щеку, заснул. Да, братец, нашим старикам повезло. А если бы не бетонщик Вуков, сволочь такая, курва и сачок, то не запретили бы кладбища, слово даю, не запретили бы. Парторг наш тогда сказал на митинге: «Успокойтесь, товарищи, не может исторически так быть, чтобы партия всех вас не похоронила!» Что же он сделал, гад такой, этот Вуков?

Сидим мы один раз в подземном дворце на торжественном концерте в честь Дня маскировщика, и только Райкин сказал Зыкиной: «Ух-ха-ха!

Смерть капитализму!» – как сверху, чуть не на них труп с гробом шмякнулся. Грохнули мы со смеху и аплодируем, не слышим, как Райкин сатиру свою несет о недостатках, а Зыкина же продолжает петь: «Рос-си-я-я!

Ро-о-осси-ия!» Сам труп из гроба выпал, лежит нелепо в черном костюме, босой, растерянный, цветочка в гробу, заметь, братец, нету ни одного, и вдруг Тетерин орет «па-па-а!», взбирается на сцену, Зыкину с Райкиным раскидывает к ебени бабушке, берет труп под мышки и опять в микрофон орет: «Товарищи! Это же папа!» Мы по новой аплодируем, грохочем, вот, думаю, номер хуякнули ко Дню маскировщика, а с потолка земля сыпется и скелеты. Всю сцену завалило. Тут сразу стало ясно: авария. Потом уже экспертизу навели, ну и конечным делом оказалось: виновен Вуков. Арматуру, сволочь, забыл в перекрытие положить, потому что из этой арматурной проволоки делал ограды на кладбище, халтурил, он же прямо под ним вкалывал. Вот кладбище и провалилось на сцену. А папаню Тетерин еще раз хоронил. Что-то у него все двойное: похороны, поминки, язык у Игорька, хотя сам – сволочь, и если б не он, никогда бы я педерастом не сделался. Ты, братец, не волнуйся, и до этого дело дойдет. Все узнаешь.

Только держись. Держись, братец-генерал! Жизнь прожить – это тебе не границу с Чехословакией перейти, как любит говаривать мой дружок Вася. Он тоже вроде тебя – танкист.

Но хрен с ними, с вашими танками, хотя все равно ни я, ни моя бригада, сколько ни крутим своими шариками, никак не можем понять, почему мы захватили эту ебучую Чехословакию, если она нас захватывать не собиралась, а вот на Китай не двинулись, не врезали по нему лазером? Почему? Во-первых, мы перед сменой газеты читаем и видим: китаезы такие наши враги смертельные и такая внутри у них катавасия происходит, что ни в какие Кремлевские ворота не лезет по сравнению с чехами. И маскировка у них почище нашей, а под каждым городом, под каждой даже, говорят, фанзой или же завод, вроде моего, или же шарашка, где они вручную водородки мастырят. Они такой технологией не брезгают, лишь бы было чем по нас вдарить. Так почему же, генеральская твоя харя, политбюро такую хуйню допускает?

Что оно, очумело, что ли? Что оно, не просралось после банкетов и вечного праздника и не понимает, что у китайцев не 800 000 000 человек, а в два раза больше, и остальные под землей на бомбах и ракетах заняты?

Им же Зорге-2, Зорге-3, Зорге-4 и даже семнадцатый Зорге каждый день морзянку отстукивает: пиздец... пиздец... пиздец... Что им, третьей отечественной войны захотелось? По военной романтике соскучились, суки?

Брежневу, конечно, хули? Выйдет на Мавзолей, бровками двинет, откашляется, стаканчик коньяку хлобыстнет и, вроде того, рябого и любимого, слезу в микрофон пустит: «Другие братья и сестры, дети и внуки! В этот охуевающе тяжелый час для нашей Родины я обращаюсь к вам, друзья мои! Враг коварно перешел границу у реки и сорвал строительство БАМа.

Смерть китайским оккупантам! Не все коту масленица! Головокружение будет за нами!» Я по твоим глазам, братец, вижу, что ты именно этого хочешь. Мой друг кирюха Наум, он еврей и поэтому стихи пишет, правильно говорит: «Поэт хочет умереть на родине, а генерал же на войне». Вот ты иди, залезь на Останкинскую башню, выпей в ресторанчике поднебесного полбанки, закуси, повоюй с проклятыми официантами, бутылкой шампанского окно выбей и лети себе вниз, погонами, как крылышками, помахивай. А меня и мою бригаду... сколько в ней, между прочим, человек, я тебе никогда не открою, это святое у меня, тайна, бригаду мою, подчеркиваю, не тяни за собой, не тяни. Хватит с нас. Нам шестьдесят лет уже всем до одного стукнуло. У нас гражданская за плечами, голодухи, раскулачивания, посадки, фюрер, Сталин, Никита цены взвинтил, а теперь еще такси подорожало.

Вдвое! Вдвое! Между нами, братец, Косыгин обнаглел. Ну ладно, он, говорят, на Зыкиной женился, ладно. Женился, не прозевал, козел старый, схватил индюшку и сопи себе в обе ноздри. А он за такси взялся. Вот кончил бы вроде Пасова смену на другом конце города – ночь, транспорт весь помер, в руках и ногах дрожь, и дрожать им до одиннадцати утра, а в кармане двушник. Хватало его раньше с чаевыми, чтобы до дому добраться, и еще на кружку пива оставалось. Что же наблюдаем теперь? Таксист тебя выбрасывает на полпути, и прешь до дому на своих. Прешь чуть не на карачках, до того ты домаскировался, план выполняя. И старался ведь не для себя, а для того же Косыгина, Пентагон объебывал. Так зачем же на такси цену удваивать? Вы лучше бомбы подешевле придумывайте! Вы со своих физиков и электронщиков за то, что они мозгами, падлы, не ворочают, взыщите сполна! Я у парторга на днях спрашиваю: «Можно мне как бригадиру выйти на Тихий рынок и сказать народу, что Косыгин – козел, где тресковое филе и руки прочь от такси?» Парторг говорит: «Выходи. Ори сколько вздумается, янки как раз со спутников нас подслушивают, и заявляй что хочешь. Это даже великолепно будет для объективной маскировки. Ты знаешь, – спрашивает парторг, – что мы в Хельсинки соглашение подписали? Вот и ори, создавай демократию и свободу слова, а что с тобой делать, решим позже». Хорошо. Прихожу на Тихий рынок. Объект тяжелый. Дипкорпус продукты тут покупает, потому что от нашей магазинной еды у него гастрит, изжога и камни в желудке. «Почем, – говорю, – говядина?» – «Шесть рублей», – отвечает колхозница. У нее задача маскировочная, но сверхсекретная: мы с бригадой бились, бились, никак не могли понять, почему партия и правительство изредка продают народу мясо в три раза дешевле, чем

какая-то краснорылая сучка. Ну почему? Я понимаю: дипкорпус тут пасется. Но народу-то в Старопорохове больше, чем церэшников! Неужели колхозники так заелись, что диктуют свои цены не только нам, но и членам политбюро? Это, товарищ братец генерал-лейтенант, уже не диктатура пролетариата, а грабеж среди бела дня того, кто Зимний взял и исключительно отдал этот красивейший Зимний дворец в руки парторгов, секретарей райкомов, обкомов и прочих придурков. Вот что это такое, когда на такси вместо одного рваного приходится два новых выкладывать. И не надо меня прерывать, не надо торопить. Раз мы свиделись наконец, то уж я расскажу тебе свою историю до конца...

Диктатура пролетариата! Да если бы тыркнуть Маркса-Энгельса-Ленина бородами и ебалами в петрушку, хвостик один только тонюсенький двадцать-тридцать копеек стоит, или в лук, морковку и прочий овощ на Тихом рынке, то они наверняка подумали бы: нет, товарищи, надо не революции устраивать, а цены на рынках снижать и гастрономы заваливать продуктами! Вот как они подумали бы и поехали бы на рыбалку на речку нашу Пушку. Закинул бы Карл Маркс мормышку в прорубь и сказал бы Энгельсу: «Ну как, Федя, клюет?» – «Нет, Коля, одиноко. Очень одиноко», – сказал бы Энгельс и спросил у вечно живого трескового филе: «Эй, Вова, клюнуло?» – «Мы, большевики, намерены настолько загрязнить окружающую среду, господа отзовисты, насколько этого потребуют интересы пролетариев всех стран».

3

Вот, товарищ генерал-лейтенант, какие дела на Тихом у нас рынке, но брюзжание, недовольство, жажда справедливости и другие беспартийные чувства выходят из души постепенно, с трудом, но выходят. Ляжешь себе в капустно-квашеном ряду и думаешь: хрен с тобой, покупай телятину, дипкорпус, зимой груши дюшес, огурчики и помидорчики, лопай, когда я себе укропчику не позволяю, а под самым рынком знаете что? Не знаете! ОТК! Там бомбы бракуют и на боеголовки знак качества ставят. Вот над чем вы раскошеливаетесь, пока мы идем к коммунизму.

Ты, братец генерал, спрашиваешь, почему я так много уделяю времени рынку. Повторяю: Тихий рынок – один из моих объектов. И халтуру я там, подрабатываю. Ведь у нас, алкашей-маскировщиков, как бывает?

Выйдешь на работу, а материала нет. Не останавливать же производственный процесс? Приходится на свои брать водяру или же одеколон, керосин, кармазин и «Солнцедар» проклятый. А своих у нас почти всегда ни шиша. Бабы отбирают, алименты и так далее. Спецовок нам, кстати, Косыгин не выдает. Это у него Зыкина перед каждой песней переодевается, как будто пачкают ее песни, а мы во всем своем работаем. Дуська моя бывало говорит: «Сволота! Пьянь! Я в химчистку бегать не успеваю». А я ей тогда в ответ: «Спокуха, Дуся. Я – не Брежнев Леонид Ильич. У меня один костюм, а у него 200 миллионов, и я в своем к тому же и дома, и на посту, и на партсобрании». Так что на рынке я подхалтуриваю, а пост мой основной на лавочке около Ленина. Там меня, между прочим, и огуляли, пидором сделали. Но возвратимся к тринадцатой зарплате. Нас в тот день Бригадой Коммунистического Труда сделали, выпел вручили, пару каких-то знамен, и прямо на сцене Дворца Съездов, потолок к тому времени заделали в нем, чтобы трупы и скелеты вниз больше не шмякались, прямо на сцене видная такая хмырина – главный инженер по замораживанию зарплаты – выдает нам конвертики. Голубки на них, на конвертиках, летают и в клювиках лозунги несут: «Народ и Партия едины!», «Слава КПСС!», «Мы придем к победе Коммунистического Труда!». Я в ответ речугу кидаю, а сам наверх посматриваю. По моим расчетам могилка всех наших прямо над трибуной должна находиться. И как-то муторно мне на душе от этого и стыдно почему-то слова говорить – тоска, одним словом. Не могли уж Дворца Съездов не под кладбищем расположить, а под вытрезвителем, скажем, или под зоопарком. Всегда у нас какая-то хреновина происходит с проектами, идиоты везде сидят... Ну, что-то я с трибуны вякнул, вызвал на соревнование бригаду Шульцова. Они посуду пустую собирают и сдают. «Это, – говорю, – дорогие товарищи, и есть Коммунистический Труд. Одни больше выжрут, другие, следовательно, больше сдадут!» Парторг мне лично тогда похлопал. Тот день почему еще ответственный такой был? Американцы запустили сразу восемь спутников, и выходило так, что они Старопорохову нашему дыху не давали.

Один пролетит, за ним другой. Парторг всем нам и наказал: «Чтобы все, как в Большом Малом театре, было, ребята! Маскируйтесь!» В общем, одно к одному все в тот день поперло: и тринадцатая зарплата, которая, как сказал парторг, зеркало прибавочной стоимости, и митинг всех бомбоводородчиков, и Пентагон с ЦРУ со своими спутниками. Поддали

мы сначала за Манькиным пивным ларьком, потом за Анькиным, затем за Зинкиным. Тетерин вдруг орет: «Летят! Летят!»

Из-за луны один, другой из-за месяца!» А Петя транзистор свой достает с антипомехами, и точно – по «Свободе» какой-то трус и предатель вещает: «В этой бездуховной атмосфере, отравленной лживой пропагандой мертвых идей, мутная волна алкоголизма с головой накрыла все слои населения». Я говорю бригаде: «Вот что значит отличная маскировка! Не успели спутники пролететь, как про нас уже голоса передают! Спасибо, ребята! По постам разойдись!» Сам тоже иду, не помню как, на пост, но думаю: «Сильна у них техника, сука такая, сильна. Только дура. Не видит за гнилым фасадом существования наших недостатков главного».

4

Лежу на лавочке возле Ленина, в небо смотрю, не стесняюсь нисколечки. Фотографируйте, падлы, пронзайте меня и всю мою бригаду инфракрасным звуком. Мы свое дело сделали, взяли удар на себя. Зато под нами физики-теоретики сидят, лбы у них титановые, сидят и кумекают, как сделать так, чтобы бомба была меньше, а взрыв ее больше и чтобы удобно было перевозить бомбы с места на место. Вот ты, братец, хоть и генерал-лейтенант, но ни хрена не знаешь, как бомбы атомные и водородные маскируют. Но тебе я скажу, и ты меня не продашь, потому что Подгорный новый указ подписал: того, кто слушает военную тайну, – расстреливать, того же, кто ее выдает, – снимать с работы и на пенсию по инвалидности. Это – умный указ. Атомки перевозят очень просто и только по четвергам. Грузовик с надписью «Мясо» спускается под землю, там в него кладут тройку бомб, и он себе спокойно прет по Старопорохову мимо гастрономов, столовых, кафе, ресторанов, шашлыков из пончиков – прямо к товарной станции. Носильщики волокут бомбы в вагон-ресторан, и понеслись они по стратегическому назначению.

Тут тоже наши умы неплохо сообразили. Ведь по четвергам рыбный день, в вагонах-ресторанах жрать нечего, а мяса вообще нет в Старопорохове, чего же грузовикам зря простаивать? Водородные же бомбы возят совсем по-другому, братец. Их трясти нельзя. Может, видел, телеги на импортных резиновых шинах стоят у райтопа и битюги там же топчутся? Так вот, никакой там не райтоп, хотя голоса передают, что не везде у нас еще центральное отопление. Там – лифт из цеха главной сборки. Грузят одну бомбу на телегу, обкладывают березовыми дровами, повязывают веревочкой, полковник-кучер шепотком говорит битюгу: «Шагом марш!» – и едет себе бомба, и мягче ей на шинах, купленных у той же Америки, чем на перине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.